

ИАКОВА она, китайская деревня сегодняшнего дня, этот закрытый для «чужого» глаза мир, в который, как время от времени мы узнаем из газет, маоисты отправляют на бессрочное «перевоспитание» неугодную им интеллигенцию?

Кое-что мне удалось увидеть в китайской деревне за время пребывания в КНР. На третий месяц «культурной революции» подошло время традиционных студенческих каникул. Обычно в эти дни для иностранцев, обучавшихся в Китае, организовывалась поездка по стране, но в 1966 году все было уже неопределенно. В университете, где я проходил стажировку, в июле всеми делами управляла «рабочая группа», впоследствии разбухшая настолько, что ее переименовали в «рабочую комиссию». Она заменяла собою ректорат и партком, разогнанные еще в июне, в самом начале «культурной революции», опьяненными маоистской пропагандой студентами.

«Рабочая комиссия» продержалась у власти месяц, но за это короткое время успела-таки решить существенный для меня вопрос о поездке по стране. На поездку полагалось две недели. Я поехал по провинциям Шэньси и Хэнань, так как маршрут этот был более всех других связан с историей. Сиань и Лоян — прежние столицы Китая — изобиловали памятниками старины, Яньань — революционная база в 1938—1947 годах — тоже привлекала меня.

Выехали мы 1 августа, заняв целый вагон. Большинство моих спутников — вьетнамцы, свыше ста человек — встретили меня дружелюбно. Приставленный ко мне фудай — нечто вроде консультанта — всю поездку не отходил от меня ни на шаг, всячески препятствуя общению с ними и с местным населением. Что же касается прочих иностранцев, с ними я мог разговаривать сколько угодно, на это он не обращал внимания.

Китайская деревня меня давно интересовала, и это не удивительно: ведь именно ее населяют те

Молотьба, которую я наблюдал, проводилась цепями, вручную. Ишаки с шорами на глазах брели по кругу, вращая жернова, — это помол. Самым страшным бичом было отсутствие тягла. Смотреть на людей, перетаскивающих на себе тяжести, на людей в роли вьючного скота в XX веке, — просто больно. Лошадей же под перевозки явно не хватало, хотя на большой дороге, по которой мы ехали, попадались и подводы, нагруженные до предела. Грузовики даже здесь, на одной из немногих в стране пригодных для автотранспорта дорог, были редкими гостями, да и то зеленая армейская краска и подтянутые фигуры сидящих в них солдат выдавали их военное, а не хозяйственное предназначение.

В сельских магазинах, вернее лавках, не было в продаже ни мяса, ни молочных продуктов, но последнее, впрочем, вполне естественно, ибо коров в Китае держат очень мало. Торговали галантереей и тканями по карточкам. На прилавке поразил меня соль. Она лежала грязной глыбой. На мой вопрос, кому соль предназначена и почему нет в продаже белой, продавец объяснил, что крестьяне предпочитают грязную соль, потому что она дешевле.

— Вы не думайте, люди в таком виде ее не едят, — говорил он, заметив мое смущение. — Крестьяне сами прилаживают труд, они ее дома выпаривают, очищают и едят чистую, белую соль. Они не хотят платить деньги за то, что могут сделать своими руками.

Я видел каменные ступки, в которых крестьянки толкут зерно вручную для каши. Это был застывший, законсервированный мир, потому что рядом с ним не было и следов технического прогресса. Источником энергии служили по-прежнему человеческие мускулы.

Конечно, об извечной отсталости китайской деревни я знал, но именно отсутствие перемен поразило меня. Ведь должно же быть создано что-то новое!

ДРАМА КИТАЙСКОГО

сотни миллионов людей, которые в основном и составляют современный Китай.

В Яньань нас повезли на автобусе по узкому, скверно вымощенному шоссе. Оно пролегалo через поля и деревни, в которых иногда делались остановки. Для остановок были отведены специальные места. Мы, иностранцы, не могли общаться и говорить с крестьянами. Однажды во время длительной послеобеденной стоянки я решил погулять. Китайские сопровождающие очень встревожились и только после долгого обсуждения разрешили мне выйти за высокий забор, конечно, не в одиночестве, и пройти в сторону полей, но никак не в саму деревню...

Даже из окна автобуса и на изолированных остановках я видел, то, что нельзя было скрыть: полное отсутствие сельскохозяйственной техники на полях, ручной труд, крохотные, но прекрасно ухоженные индивидуальные участки.

Новое пришло в деревню в старом обличье: как и многие века назад, были предприняты грандиозные ирригационные работы. Их начинали обычно основатели китайских династий, сгоняя крестьян на бесплатный труд — отбывание повинности казне. Как и в феодальные времена, в наши дни был применен этот способ. Но строительство систем на водном самотеке, без насосных станций, стремление к максимальной протяженности каналов, скверное инженерное обеспечение приводило к затратам труда впустую. Окруженные каналами поля иссыхали, потому что в них не было воды. Реки провинции Шэньси текли жалкими струйками, не будучи в состоянии напоить подготовленные к орошению площади. Воды не хватало, и гобийский северный ветер засыпал лёссовой пылью террасные поля, сооруженные неимоверно тяжелым ручным трудом на склонах сухих желтых гор ради увеличения посевной площади в провинциальном

отчете. Некоторые из нагорных полей, где первый же урожай погиб, так и оставались с тех пор не возделанными: китайский крестьянин, как и всякий человек, не любит сизифов труд. Это был печальный памятник безумству «большого скачка» 1958—1959 годов.

Сам Яньань — небольшой городок с очень красивой пагодой — стоит в месте слияния двух горных рек. Пейзаж здесь куда веселее: воды больше, горы покрыты зеленой низкорослых деревьев и кустарников, внизу сады, великолепная кукуруза и китайское просо.

В течение десяти лет город был центром, откуда Мао Цзэ-дун осуществлял свое руководство. Кроме всяких выставок, памятных мест и музеев, нам показали и стариков, помнивших встречи с ним. Одним из них был старый крестьянин.

Официальный экскурсовод много и долго говорил о мудрости председателя Мао, о его близости народу, о том, что при обсуждении вопросов сельского хозяйства он совершил историческую прогулку в ближайшую деревню. Затем выступил старик-крестьянин, говорил в восторженных словах о встрече с председателем — это случилось давно, еще в начале 40-х годов, — но ни слова конкретного тоже не сказал.

Пришлось спрашивать самому.

— Где вы встретили Мао Цзэ-дуна?

— Я пошел в горы собирать траву, — сказал старик. — А навстречу мне по горной тропинке идет необыкновенный человек! Я не знал тогда, что это сам великий председатель Мао, я думал это кто-нибудь из важных ганьбу¹, потому что мы знали, что ЦК КПК расположился в пещерах, недалеко от нашей деревни.

— Он был один?

— Он шел один, а позади, но далеко позади, было несколько бойцов.

— И вы с ним говорили?

— Да. Я не знал, несчастный человек, что это сам председатель Мао.

сохранить им жизнь. Поэтому больше всего его интересовали размеры минимума, необходимого для поддержания жизни человека. Минимум этот был невысок: ведь весной и летом пищу крестьян составляли зелень, овощи, плоды. Зерно, которое выдерживает хранение и транспортировку, было незаменимо для крестьянского питания только в зимний период, что позволяло изымать его побольше, а оставлять — ниже голодной нормы. О том, чтобы есть пшеницу или ячмень каждый день, речи в деревне не было.

Если в годы партизанской борьбы тяжелое военное положение как-то оправдывало политику максимального изъятия продукции, то сохранение подобной системы сейчас выглядит экономически не состоятельным. Тем не менее именно таково положение на деле.

«Идеи Мао Цзэ-дуна выросли в Яньани», — не без гордости говорили местные экскурсоводы. Скоро я воочию убедился, что с тех лет маоистская политика в деревне осталась неизменной. Узнал я об этом уже не в Яньани, а в соседней провинции, куда наша группа попала после посещения Лояня и Чжэнчжоу.

Поездка в уезд Линьсянь провинции Хэнань была для нашей группы несколько неожиданной; окончательное решение китайская сторона приняла только в Чжэнчжоу. Такое расположение к нашей группе было явно вызвано особыми обстоятельствами: нарастанием событий в Пекине, откуда пришло распоряжение задержать нас вне столицы подольше. При этом поездка затянулась, и расходы хозяев возросли, но, очевидно, они готовы были пойти на это. До сих пор я бывал только в деревнях под Пекином, поэтому меня очень привлекла возможность побывать в сравнительно отдаленном уезде.

Линьсянь расположен в центре Китая, в древней колыбели китайской цивилизации. От провинциального центра Чжэнчжоу мы поездом доехали до Аньяна. Неподалеку от этого города находится древнее городище — остатки первой исторической сто-

КРЕСТЬЯНСТВА

А. ЖЕЛОХОВЦЕВ

Кандидат филологических наук

— А что именно он вам сказал? Вы не забыли его слова?

— Как я мог забыть?! Все помню.

— Повторите, пожалуйста.

Так с большим трудом мне удалось выяснить, о чем же «отечески» побеседовал Мао Цзэ-дун с китайским крестьянином.

— Председатель спрашивал, а я отвечал. Он спросил, сколько у меня в семье ртов и сколько нужно зерна на каждый рот, чтобы дожить до весны; спросил, что я сею и какой получаю урожай. Потом он попрощался со мной и пошел обратно...

До деревни Мао Цзэ-дун, видимо, в тот раз так и не дошел. Интересовало же его только налогообложение. Он хотел брать с крестьян такой налог, чтобы получить максимальное количество зерна, но

лицы Китая, когда им управляла династия Шан в XIV—XII веках до н. э. Я сожалел, что программа не предусматривала посещение раскопок этого места, которое промелькнуло за окном нашего автобуса.

От Аньяна, расположенного на равнине, шоссе углублялось в горы. Линьсянь оказался зажатый меж отрогами хребта Тайханшань. Засуха веками была бичом этих мест, воды прежде не хватало даже для питья, урожай сохранялся редко, население страдало от регулярных голодовок. Теперь это было в прошлом, и нас везли в передовой показательный уезд.

Ослепительное небо над головой. Полная безоблачность. Зной. Вокруг светло-желтые, крутые и даже на взгляд сухие горы. Желтая сухая почва под ногами... Дороги в Линьсяне бегут по речным долинам меж горами, ложа рек пересохли, автобус спокойно переезжает через тоненький ручеек.

¹ Ганьбу — так называют в Китае кадровых работников партийного и государственного аппарата.

В течение десяти лет все население уезда работало над созданием единой оросительной системы, не получая государственных кредитов и помощи машинами. Каналы были построены человеческими руками и оросили до 70 процентов пашни.

Уезд Линьсянь официально окрестили образцом принципа «опоры на собственные силы». Казалось бы, такая декларация могла развязать руки местной инициативе. Но на самом деле она обернулась бедой для сельского хозяйства. Под этим лозунгом деревне отказывали во всем: в кредитах и материальных ресурсах, превратив ее исключительно в объект эксплуатации.

— Откуда вы брали цемент? — спросил я, стоя на краю водовода, у представителя уездного комитета.

— В соответствии с духом «опоры на собственные силы», массы, проявив революционную инициативу, обнаружили в горах подходящий материал для обжига и помола...

Он говорил долго и многословно.

— Так вы не покупали цемент у государства?

— Нет, это противоречит принципу «опоры на собственные силы».

Пройдя несколько шагов, я увидел под навесом груды мешков с цементом, предназначенным явно для текущего ремонта. На фабричных бумажных мешках отчетливо читалось заводское клеймо: «Цементный завод города Чжэнчжоу провинции Хэнань»...

Кустарное производство цемента было бы совсем бессмысленно. Очевидно, за деньги покупался у государства только цемент, но и этого не хотели признать открыто, в угоду маоистской догме.

В горном хребте обыкновенными кирпичами были пробиты туннели. От них на десятки километров протянулись водоводы. Каждый из них — сооружение уникальное. Ложе водовода высечено в скале, он вьется лентой по склону гор, постепенно снижаясь, так что вода поступает самотеком. Узкие ущелья и даже две довольно широкие долины водоводы пересекают по акведукам. Чтобы уменьшить потери от испарения, водоводы сделаны узкими, но глубокими, примерно в 2,5 метра в ширину при трехметровой глубине, вода течет по ним с большой скоростью.

У крестьян не было кирпича: уезд не имеет своего угля, обжигать кирпич не на чем. Выход был найден: население поголовно, особенно женщины, старики и дети, занялось вырубкой каменных брусков. Камень брали из окрестных гор, одну гору, отдельно стоящую, при этом вообще срыли, а глыбы превращали в обтесанные бруски, каждый из которых заменял два кирпича. Из этих каменных кирпичей изготовлялась облицовка водоводов, каналов, выкладывались плотины и акведуки. Такие бруски ничего не стоили в денежном выражении, их изготавливали ручным трудом, своими силами, и переносили в корзинках на коромыслах к месту кладки. В осенне-зимний сезон на строительные работы в уезде выходило ежедневно до 150 тысяч человек, но даже в страду работы не прекращались, и меньше десяти тысяч строителей не бывало никогда.

— Приходилось ли заставлять людей? — спрашивал я местных работников, которые нас сопровождали.

— Только первые два года было трудно... Крестьяне не верили в свои силы, не верили, что придет вода. Потом работать стало легко, народ трудился охотно...

Нельзя было не поверить сказанному: ведь безводье грозило голодной смертью крестьянам. Строители, разумеется, работали бесплатно.

— Почему же государство ничем не помогало народной стройке?

— Государство нуждается в средствах на большие дела! Оно не дает кредита сельскому хозяйству...

Увы, это тоже была правда. Маоисты не желали раскошелиться на увеличение производства продовольствия в стране. Средства шли в первую очередь на великодержавную мировую политику: тут они не скупчились!

В результате долина оказалась с обеих сторон на высоком уровне опоясана водоводами, откуда по местным небольшим, но так же аккуратно облицованным брусками стокам вода поступала на поля. Жить крестьянам стало легче. Они собирали на своих полях либо один урожай батата, либо два урожая: весенний — пшеницы, осенний — кукурузы. Урожайность возросла на 85 процентов, и уезд Линьсянь перестал быть обителью голодной смерти. Даже на местных, не минеральных удобрениях удавалось в среднем получать за два урожая около 34 центнеров с гектара. Труд на полях оставался ручным и малопроизводительным, производство зерна на душу населения в этом сельскохозяйственном и теперь уже показательном уезде не достигло и 200 килограммов в год.

Положение усугублялось тем, что урожай у крестьян изымался по большей части безвозмездно. Хотя государственный налог, оплачиваемый поставками зерна, в Китае невелик и не превышает двух процентов урожая, маоисты получают бесплатный хлеб при помощи так называемых добровольных фондов, которые практически определяются ежегодно, в зависимости от урожая; крестьянам на потребление остается голодный минимум. В 1968 году хлеб был отобран в два добровольных фонда: Фонд помощи Вьетнаму и Фонд мировой революции. Несмотря на хороший урожай, крестьяне получили прежний прожиточный минимум, зато в собраниях и речах по поводу «добровольных» фондов недостатка не было. Я думаю, читателю нечего пояснять, что названия фондов носили демагогический характер. Зерно шло на потребу самим маоистам, для которых деревня превращалась в чистый источник дохода, не требующий капиталовложений.

Крестьяне отнюдь не безразлично относились к такой судьбе. Я спросил местного партийного работника:

— Какие культуры всего выгоднее возделывать в Линьсяни?

— Это смотря кому выгодно... — отвечал он с откровенностью, неожиданной для меня.

Выяснилось, что провинциальные и уездные власти, следуя указаниям из центра, всячески заставляли крестьян сеять пшеницу и кукурузу. Эти культуры в условиях Линьсяни давали максимальную урожайность, но главным их достоинством была высокая транспортабельность: зерно легко сохранять и вывозить, сбор хлеба проще учить и контролировать. Крестьяне превосходно понимали, что в подобной ситуации хлебом сыт не будешь, зерновыми не прокормишься. Из года в год, несмотря на все старания начальства, деревня увеличивала посевы батата, который хотя и дает один урожай в год, но почти равный двум урожаям зерновых по пищевой ценности. Батат очень плохо переносит транспортировку, изымать у крестьян батат натурой — практически бессмысленно, его дальше уездного центра не увезешь, и дольше месяца он не пролежит. Урожай батата доставался поэтому самим земледельцам и служил для них главным источником питания.

Но несмотря на бережное обращение, когда каждый клубень, как ценность, перекладывали руками с великими предосторожностями, батат не выдерживал хранения. Два весенних месяца, когда кончался батат и еще не было зелени, крестьяне могли прожить только на зерне. А получить его можно было лишь по разрешению начальства, от которого прямо и непосредственно зависела сама жизнь каждой семьи. Сколько дать зерна — больше или меньше — решалось в каждом конкретном случае местной администрацией. Именно этим объясняется ее колоссальная власть над сельским населением.

В уезде нам показали деревню Дацайюань. Она вся входит в одну производственную бригаду, бригадир сказал, что жителей в деревне 1300 душ, на работу в страду выходит 987 человек — все, кто старше восьми лет.

Выход уезда в число передовых дал ему право покупать у государства импортные минеральные удобрения, которые, конечно, вносились исключительно под зерновые или технические культуры, вроде хлопка. В удобрениях Китай испытывает острый дефицит. Японский студент Такараси при мне расспрашивал бригадира об этом:

— Насколько повысилась урожайность за последние годы?

— На 60 процентов.

— Как вам это удалось?

— На основе идей Мао Цзэ-дуна, — был ответ, и любезная, всегдашняя улыбка японца вдруг сменилась откровенной ухмылкой. Такараси насмешливо спросил:

— Наверно, стали вносить минеральные удобрения?

— Да, — согласился бригадир. — Но идеи Мао Цзэ-дуна всего важнее!..

— А что, вносить удобрения — тоже идея председателя Мао?

— Да, — отвечал бригадир. — Поэтому мы и вносим!

Дико слушать подобные речи, но в Китае сейчас нельзя сделать ничего — даже удобрять поля, не сославшись на идеи Мао Цзэ-дуна.

Итак, деревня в показательном уезде, с орошением и импортными удобрениями, в центре Китая, дающая товарную пшеницу и кукурузу. Голода нет, но как живут в ней люди?

Мы посетили несколько крестьянских домов. Квадратный участок огорожен глиняным забором — дувалом и глухими стенами дома. Дом, низкий и длинный, выходит окнами в замкнутый двор. Жилое помещение состоит из двух комнат; первая служит прихожей и кладовой: здесь стоят полутораметровые глиняные кувшины, настоящие амфоры, в которых хранится зерно. Они были полны пшеницы: крестьяне получили хлеб на весь год от первого урожая.

— На год семье не хватит, — скептически сказал я.

— Сейчас мы едим овощи, а осенью и зимой будет батат. Пшеницу мы храним на весну, — объяснила мне хозяйка.

Кухня была в отдельной от жилого дома постройке.

— Чем топите? — спросил я.

Оказалось, что дважды в год крестьяне собирались обозом в соседний уезд, где можно было добывать уголь на поверхности и собирать в отвалах. Все делалось исключительно собственным трудом, никаких денежных затрат не требовалось. Как и в Шэньси, соль покупали кусковую, грязную, в глыбах.

Чтобы превратить ее в пищевую, требовался «дополнительный» труд по выпариванию и очистке.

Дом строился узким и длинным, чтобы перекрытия крыши были покороче. Дерево — великая ценность в безлесном Китае. Окошки в крестьянских домах были остеклены заботливо подобранными кусочками стекол, причем не стекло подбиралось к раме, а рамка по размеру стекла. Но главной ценностью крестьянского дома была дверь. Ее делали из настоящих досок прочного южного дерева и устанавливали на деревянных шпильках.

— Сколько лет может прослужить такая дверь? Давно ли она у вас? — спрашивал я у пожилой женщины через переводчика, потому что хэнаньский диалект, хотя он и близок пекинскому, я сам понимал не больше чем наполовину.

— Она была еще при деде... Я не знаю, сколько ей лет, — отвечала крестьянка.

Дверь была из сандалового дерева.

В другом доме меня поразило отсутствие двери. Ее заменял плетеный камышовый полог. Хозяева объяснили, что у них тоже раньше была сандаловая дверь, но во время войны японский офицер остановился переночевать в их доме и велел расколоть дверь на дрова, чтобы приготовить себе завтрак. Он считал, что сандаловое дерево горит с особенно приятным ароматом. Даже сейчас хозяева побелели от ненависти, рассказывая о таком варварстве. За долгие годы семья оказалась не в состоянии приобрести новую дверь взамен сожженной: привозное дерево недешево. Они мерзли каждую зиму из-за минутной прихоти японского оккупанта.

В каждом доме, где мы побывали, держали свинью, а то и двух. Китайские свиньи худые, черные, с длинной щетиной, очень проворные. Кормят их скудно, поэтому свиньи дают только мясо, а не сало. Мясо едят по большим праздникам, но обязательно на китайский Новый год по лунному календарю. Мясо и щетина, если сдавать их государству, приносят крестьянской семье единственные деньги, которые она вообще может получить.

За околицей располагались приусадебные участки. Они по площади крохотны, но удобрены, политы и водой, и потом: каждый комочек земли перетерт руками. С ранней весны и до поздней осени с них непрерывно собирают урожай овощей, начиная просто с зелени, похожей на наш шпинат, только погуще и гораздо урожайнее, затем лука-порея, баклажан и кончая осенним турнепсом, который крупнее, сочнее и вкуснее нашего.

В августе на огородах царили баклажаны. Они подходили на маленькие деревья, около метра высотой, а с них свисали плоды, не стручкообразные, как у нас, а круглые, похожие на огромные помидоры, только синего цвета. Восьми растений на крохотном пятачке хватало, чтобы кормить всю крестьянскую семью больше месяца: плоды зрели один за другим. По краям участка, у тропок, росла китайская конопля, из семян которой крестьяне давили масло.

Деревенская жизнь шла практически без денег. Рынка не было, до ближайшего города — Аньяна не близко. Все деньги, которые только попадали в крестьянские руки, уходили на покупку одежды по талонам. Хотя нормы выдачи на человека были низкими и не каждый год можно было сшить штаны из новой ткани, крестьянам постоянно не хватало денег, чтобы ее выкупить.

У меня сложилось убеждение, что пекинские руководители консервируют низкий производственный уровень китайской деревни, стремятся вкладывать основные средства отнюдь не в сельское хозяйство. Китайская деревня лишилась кредитов, техники, го-

сударственной помощи. Опутанная демагогической пропагандой и жестким административным контролем, бесправная, она подвергается поборам во имя непроемких трат на великодержавные замыслы маоистов. «Опора на собственные силы» дополняется трескотней о «революционном аскетизме», циничной целью которой является выдать крестьянскую беду за особое достоинство и добродетель. Полуголодное существование, идеализация нищеты — разве это достойное человека будущее? Но ничего другого не в состоянии предложить крестьянам маоистская политика. Крестьян старательно держат в стороне от политической жизни страны. Трагедия «культурной революции» привела только к дальнейшему загниванию гаяк: введению прямого военного контроля силой оружия от имени так называемых ревкомов. Это, пожалуй, единственная «техника», с помощью которой маоисты получают продовольствие.

* * *

С тех пор как я побывал в китайской деревне, прошло уже около трех лет, но даже из сообщений маоистской прессы можно понять, что прежняя политика на селе продолжается и, более того, усугубляется.

В конце 1968 года группа Мао Цзэ-дуна пришла к выводу, что можно сэкономить и на таких вещах, как просвещение и здравоохранение. Деревенские учителя и врачи снимаются с государственной зарплаты: содержать их будут сами крестьяне, за собственный счет.

Врачи в деревне должны быть «босоногими». Одного из таких «босоногих лекарей», который проучился три месяца и отправился лечить крестьян, «Жэньминь жибао» разрекламировала на всю страну. Еще бы! Тратиться на обучение такого врача не приходится, жалование платить ему не надо, даже на лекарства можно выгадать: поощряется лечение травами, которые собирает тот же врач. Дешево! А уж то, как он лечит, никого не волнует. Здоровье населения с легкостью приносится на алтарь великодержавной политики, которая требует все возрастающих расходов.

Разумеется, подобные мероприятия проводятся под завесой пышных, лицемерных фраз. Среди самых последних указаний Мао Цзэ-дуна есть такие: «В деревне школой должны руководить самые надежные союзники рабочего класса — бедняки и низшие слои середняков». Но что значит «руководить школой»? Оказывается, за этим скрывается перестройка системы образования: школа на селе снимается с государственного бюджета и передается на содержание местного населения. В маоистской лицемерной пропаганде об этом говорится, что школа в Китае теперь будет не государственной, а «народной». Маоистское государство не желает более тратить на просвещение собственного народа. Учителя в такой школе денежной зарплаты не получают, их труд оценивается «трудовыми единицами». Заниматься с учениками они будут только в свободное от сельскохозяйственных работ время, чтобы каждый старше восьми лет мог выходить на поля.

Разумеется, «курс наук» резко сокращается. Главным предметом должно быть изучение «идей Мао Цзэ-дуна», а сверх того крестьянских детей будут учить только прикладным знаниям и счетоводству, в частности умению обращаться со счетами. Все, прямо не связанное с деревенскими потребностями, например отечественная литература, изымается из школьных программ, «Ежедневное чтение сочи-

нений председателя Мао станет первостепенной жизненной потребностью для широких слоев бедняков и низших середняков, для революционных учеников и школьников», — пишет по этому поводу «Жэньминь жибао».

Китайская печать не стесняется помещать письма крестьян-бедняков, в которых те «радуются» введению платного обучения в школе. На бумаге крестьяне, конечно, все принимают с восторгом. «Нам нужны права, а не деньги», — пишет Сунь Хун-си из провинции Ляонин. Это письмо стоит привести подробнее: «При государственной начальной школе мы, бедняки и низшие середняки, сэкономили немного денег, но не имели права на просвещение; при начальной школе в производственной бригаде мы тратим немного денег, но зато получаем права на просвещение... Что же касается учителей, прежде им государство платило жалованье, им была обеспечена чашка риса; если они учили плохо, то мы, бедняки и низшие середняки, ничего не могли поделать: самое большее — учителя переводили в другое место. Когда же школой руководит производственная бригада, учитель от нее получает заработок. Если он не годится быть народным учителем, то мы имеем право решать вопрос, можем выбрать подходящего человека из числа бедняков и середняков для обучения наших детей...» («Жэньминь-жибао» от 21 ноября 1968 года).

Так раскрывается вторая сторона маоистской политики в деревне: преследование сельской интеллигенции. Мало того, что учитель лишается стабильного заработка, — его всегда могут заменить, и такая замена всячески поощряется. Крестьянин-бедняк с начальным образованием становится учителем и учит детей тем крохам, которые знает сам. Учитесь по сочинениям Мао Цзэ-дуна — вот идеал новой школьной реформы.

Экономия за счет грамотности, животный страх перед образованием, ненависть к интеллигенции — таковы движущие пружины маоистских новшеств. История Китая воистину не знала злейших врагов народного просвещения... Китайская деревня расплавляется за великодержавную политику маоистов.

НА РУКУ ИМПЕРИАЛИСТАМ

Газета «Берлинер цайтунг» (ГДР) сообщает, что кровавые антисоветские провокации группы Мао Цзэ-дуна на реке Уссури восторженно встречены империалистическими кругами. Они произошли в тот момент, когда вьетнамский народ, отстаивающий свои права на Парижских переговорах, нуждается в наибольшей поддержке всего социалистического лагеря, в момент, когда в сердце Европы боннские реваншисты из всех сил стараются накалить обстановку. Выстрелы маоистов на Уссури только играют на руку заклятым врагам социализма.